

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

А.А. Курева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются основные направления, достижения, вызовы и перспективы отношений Российской Федерации со странами Восточной Азии. Усиление роли Восточной Азии в мировой политике и экономике и необходимость модернизации России определяют стратегическую значимость региона Восточной Азии для России. От успешности внешней политики на восточноазиатском направлении и эффективности развития Сибири и Дальнего Востока во многом зависит статус России как великой державы. В 2000-х гг. произошло значительное укрепление позиций России в регионе. Тем не менее её вовлечённость в экономические процессы всё ещё незначительна, и Россия не может считаться полноправным региональным игроком в этой сфере.

Российско-китайское стратегическое партнёрство является «стержнем» политики России в Восточной Азии, но односторонняя зависимость от Китая способствует включению России в регион на зависимых позициях и побуждает к диверсификации отношений со странами региона. Интересам России в Восточной Азии соответствует многовекторная политика, направленная на развитие равных по характеру и глубине отношений не только с Китаем, но и с Японией, Южной Кореей, странами АСЕАН (прежде всего Вьетнамом) и Индией, и на участие России в урегулировании ситуации на Корейском полуострове.

Изменение расстановки сил в Восточной Азии, вызванное усилением Китая и курсом США на «разворот в Азию», вызвало необходимость участия России в качестве «балансира» или «честного игрока». Эта тенденция совпадает с желанием России играть более значимую роль в региональном взаимодействии и интеграционных процессах. Активное участие России в политическом, экономическом и энергетическом сотрудничестве с государствами Восточной Азии, а также в укреплении безопасности в регионе способно внести значительный вклад в оформление стабильного полицентрического порядка в Восточной Азии и развитие регионов Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Восточная Азия, внешняя политика России, Китай, Япония, Южная Корея, КНДР, АСЕАН, США, Индия, безопасность, региональное сотрудничество.

■ Международные отношения

В настоящее время Азия в целом и регион Восточной Азии в особенности играют всё более важную роль в мировой политике и экономике, так как именно туда сдвигается центр индустриального, а также частично – постиндустриального высокотехнологического роста и геополитических процессов в мире. Такие факторы, как экономическое и политическое возвышение сверхкрупных государств региона – Китая и Индии, напряжённое состояние китайско-японских отношений и укрепление союза безопасности между Японией и США, которые доминируют в мировой системе и стремятся не выпускать из-под своего контроля процессы в ключевых регионах мира, – ставят на повестку дня вопрос о том, как именно будет происходить дальнейшее развитие региона Восточной Азии и какой будет роль России в этом процессе. Особенное значение данный вопрос приобретает с провозглашением стратегического курса американской администрацией Б. Обамы на «разворот в АТР» или «ребалансирование в АТР» (*pivot / rebalancing to Asia-Pacific*), что символизирует приоритетность именно Восточной Азии для самой мощной мировой державы.

Для России Восточная Азия представляется особенно важной в контексте диверсификации её внешней политики и развития Сибири и Дальнего Востока, которые со странами Восточно-Азиатского региона экономически связаны теснее, чем с остальной территорией страны. Стратегической целью внешней политики России на протяжении всей её эволюции является стремление к восстановлению и сохранению статуса великой державы, что во многом связано с восстановлением позиций в Восточной Азии [17, с. 156]. Страна, претендующая на статус великой державы, должна иметь развитые отношения со всеми регионами мира, но её позиции должны быть особенно сильны в тех регионах, в которых она географически расположена. Для России, две трети территории которой расположены в Азии, одной из главных задач является наращивание своих позиций в регионе Восточной Азии, в который смещается «центр гравитации» мирового политического и экономического взаимодействия.

В Концепции внешней политики России 2013 г. в списке региональных приоритетов российской внешней политики Азиатско-Тихоокеанский регион занял четвёртую позицию после Содружества независимых государств (СНГ), Европы и США. В дополнение к важной роли региона в развитии Сибири и Дальнего Востока отмечается заинтересованность России в «создании в Азиатско-Тихоокеанском регионе транспортной безопасности и равноправного сотрудничества на коллективных началах» [7].

Хотя такие регионы, как Ближний и Средний Восток, Северная Африка и другие, представляют большую важность для российской внешней политики, её основное внимание было и остаётся сконцентрированным на регионе

Восточной Азии. Остановившись на причинах такого решения, можно отметить, что многим восточноазиатским странам, включая Японию, Южную Корею, Тайвань, Сингапур и другие, являющимся источниками экономического роста, вполне успешно удалось интегрировать восточную и западную модели политического и экономического развития, и они представляют собой привлекательную модель развития для России. Приоритет Восточной Азии для России также определяется заинтересованностью в участии в региональных организациях и интенсивных интеграционных процессах, протекающих в данном регионе [2, с. 319–321].

Россия и Китай

Поскольку отношения с Китаем всегда были приоритетным направлением в восточноазиатской политике нашей страны России, российско-китайское стратегическое партнёрство часто называется «стержнем» российской политики на Востоке. В 1996 г. была подписана «Совместная российско-китайская декларация», в которой было провозглашено решение развивать «отношения равноправного доверительного партнёрства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в.». В 2001 г. был заключён российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который проложил путь к расширенному политическому, экономическому и военному сотрудничеству. В 2004 г. после долгих переговоров, было подписано Соглашение о демаркации совместной российско-китайской границы, урегулировавшее пограничную проблему между государствами. В 2005 г. российским и китайским руководством была обозначена необходимость формирования «нового мирового порядка», а в 2010 г. была выдвинута совместная российско-китайская инициатива по безопасности и сотрудничеству в АТР, которая призывала к созданию «новой архитектуры безопасности» в регионе. В 2000-х гг. также активно развивалось сотрудничество в сфере энергетики, особенно в 2010 г., когда был закончен отвод трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» от российского Сковородино до китайского Дацина.

Важно отметить, что основной аргументацией, которая лежит в основе российско-китайского стратегического партнёрства, является оппозиция односторонним действиям и поддержка полицентрического мироустройства, основанного на принципах уважения взаимного суверенитета. Понятие «многополярный мир» было первоначально предложено китайским руководством и было позднее принято российскими лидерами. В этом смысле односторонние действия Америки в Косово и Ираке объективно привели к усилению данного партнёрства. При этом существуют различные мнения по поводу того, на что в конечном счете направлено стратегическое партнёрство России и Китая: на ограничение американского превосходства

и доминирования или же оно имеет прагматичный и неконфронтационный характер, который помогает проводить политику, отличающуюся от западной [21, с.1–2].

Китай является торговым и инвестиционным партнёром №1 для России в Восточной Азии. В 2012 г. объём товарооборота со странами региона составил \$89 млрд [12]. В то же время, как метко отметил российский исследователь А.Д. Богатуров, Китай следует рассматривать и как «море потенциалов», и как «океан страхов» [17, с. 111–112]. В этой связи необходимо отметить и наличие проблемных моментов в российско-китайских отношениях.

Во-первых, проблему представляет несбалансированная структура товарооборота: хотя в 1990-х гг. ситуация отличалась от современной, начиная с 2000-х гг. российский экспорт главным образом состоит из энергоносителей, сырья, продукции рыболовной и лесной промышленности, в то время как китайский экспорт в значительной степени – из оборудования и промышленных товаров. Односторонняя и «однобокая» экономическая ориентация на Китай представляет собой угрозу для России, так как она рискует стать сырьевым придатком, а индустриальный Китай оставит её на «другой стороне баррикад» от ведущих стран мира, включая и его самого.

В связи с этим многие исследователи утверждают, что Китай не может служить «маяком инновационной модели развития», равно как и не может снабжать Россию высокотехнологичным оборудованием, поскольку он заинтересован в основном в российских ресурсах (кроме военных ноу-хау до некоторой степени). К тому же сам Китай использует «подержанные» западные технологии, купленные или скопированные напрямую с западных [8, с. 12; 4, с. 50–51].

Во-вторых, по мнению российского исследователя А.Д. Воскресенского, отмечается угроза независимому характеру политики России в Восточной Азии из-за так называемого «Пекинского консенсуса», который влечёт за собой трансформацию мироустройства с Китаем в качестве мирового лидера и неизбежно принятие китайских интересов как приоритетов для остальных стран [21, с. 11].

В-третьих, многие эксперты полагают, что Китай пытается «выдавить Россию» из Центральной Азии, используя свою «мягкую силу» и интенсифицируя энергетическое сотрудничество, через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) [8, с. 12–13].

В-четвёртых, развитие Дальнего Востока представляется самой главной целью восточноазиатской политики России. К востоку от озера Байкал проживает всего лишь 7 млн человек, в то время как китайское население в приграничных областях составляет более 280 млн человек. Эти обстоятельства обеспечивают плодотворную почву для появления опасений относительно так называемой «жёлтой угрозы»,

то есть неконтролируемой китайской миграции, которая может привести к утрате Россией экономического контроля над природными ресурсами Дальнего Востока и Сибири [17, с. 74–75].

В-пятых, принятая в 2009 г. «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)» нацелена на строительство новых пропускных пунктов на границе, повышение сотрудничества в транспортной сфере и развитие «зон сотрудничества» и других сфер двусторонних отношений.

Данная программа вызвала большую критику, так как большинство запланированных проектов связано или с добычей сырья, заготовкой древесины и сельским хозяйством на российской территории с использованием китайской рабочей силы, или с производством конечной продукции на китайской территории. Это, в свою очередь, имеет большую вероятность привести только к экономическому и экологическому ухудшению состояния Дальнего Востока [3, с. 68–70].

Несмотря на заявления о том, что в политической сфере российско-китайские отношения оцениваются как стратегическое партнёрство, преследующее одинаковые цели построения «нового мирового порядка», экономическое неравенство при отсутствии интереса со стороны Китая к покупке высокотехнологичных российских товаров и амбивалентном восприятии того, что Россия «всё ещё должна» Китаю его часть дальневосточных территорий, угрожает статусу и стратегическому характеру двухстороннего партнёрства [4, с. 57–58; 1, с. 254–258]. И всё же у российской политической элиты сохраняется твёрдое убеждение, что стратегическое партнёрство с Китаем – это главная гарантия против уменьшения влияния России в Восточной Азии и что, несмотря на все проблемы в двусторонних отношениях, именно Китай является наиболее вероятным партнёром в обеспечении модернизации и развития Дальнего Востока, ибо именно он возглавляет список стран, осуществляющих инвестиции в данном регионе.

Способность России продвигать идею полицентричного мирового порядка также в большой степени зависит от её сотрудничества с Китаем, поддержка которого способствует усилению позиций страны на мировой арене. Сильная сторона российско-китайских отношений заключается в том, что если будут найдены способы преодоления их недостатков, то эти отношения будут в значительной мере способствовать развитию обеих стран и укреплению их положения в Восточной Азии [2, с. 312–317]. Качественно новая роль Китая и его место в мировой политике и мировой экономике заставили многих российских учёных предположить, что российско-китайские отношения нуждаются в полном реструктурировании и даже «перезагрузке», направленной на формирование вза-

■ Международные отношения

имовыгодного прагматичного стратегического партнёрства [21, с. 1–13; 8, с. 10–19; 4, с. 43–58].

Отношения России с Японией, государствами Корейского полуострова и АСЕАН

Очевидно, что ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока невозможно без развития отношений в экономике, политике и сфере безопасности с ключевыми странами региона – Китаем, США, Японией, Южной Кореей. В этой связи более сбалансированным представляется курс, направленный на развитие отношений не только с Китаем, но и с другими странами Восточной Азии, что будет способствовать вхождению России в регион как независимого игрока. Наибольший интерес в этой связи представляют три направления развития отношений: с Японией, Южной Кореей и странами АСЕАН. Япония и Южная Корея являются вторым и третьим экономическим партнёром России в регионе с товарооборотом в \$31 млрд и \$25 млрд в 2012 г. соответственно. Объём накопленных инвестиций Японии – \$10,7 млрд, Республики Корея – \$2,5 млрд. Товарооборот России и стран АСЕАН в 2012 г. составил около \$18 млрд. [12, 13].

Отношения России с Японией считались высшим приоритетом в восточноазиатской политике России в начале 1990-х гг., поскольку Япония представляла собой одного из лидеров развитого мира. Однако, несмотря на многочисленные попытки, в 1990-х гг. не был достигнут прогресс по вопросу подписания мирного договора и урегулирования территориального спора, «доставшегося в наследство» после окончания Второй мировой войны. Экономическое и техническое сотрудничество длительное время находилось в стагнации, несмотря на огромный потенциал его развития, и достигло самого низкого уровня в 2002 г. В качестве основных причин называлось нежелание Японии инвестировать капитал в Россию, связанное с недостаточной прозрачностью российской экономики и наличием многочисленных бюрократических препятствий для ведения бизнеса.

В 2003 г. был подписан План совместных действий, нацеленный на всестороннее развитие политических, экономических и культурных отношений. В 2005 г. был заключен ряд экономических соглашений, что придало импульс экономическому сотрудничеству между Россией и Японией и привело к проникновению японского бизнеса на российский рынок (особенно в автомобильной промышленности) [9, с. 76, 144]. Япония также стала принимать активное участие в развитии энергетического сотрудничества в проектах Сахалин-1 и Сахалин-2 и в настоящее время является основным потребителем российского сжиженного газа (СПГ). Япония – второй по величине торговый партнёр России в регионе после Китая и занимает восьмое место по объёму инвестиций в российскую экономику [13].

Однако, несмотря на улучшение экономического сотрудничества, приходится констатировать отсутствие прогресса в урегулировании территориального спора и в 2000-х гг. Посещение президентом России Д.А. Медведевым Курильских островов в 2010 г. вызвало жёсткую критику со стороны лидеров Японии и привело лишь к усилению взаимного неприятия позиций другой стороны по данному вопросу. В Японии воспринимают с озабоченностью модернизацию российского военного потенциала на Дальнем Востоке, а активность Российского флота и авиации отмечается в военной доктрине в качестве «источника тревоги». Тем не менее вооружённый конфликт с Россией, вокруг Курильских островов всерьёз японским руководством не рассматривается [11].

Визит премьер-министра Японии С. Абэ в Россию в апреле 2013 г. заложил основу для дальнейшего развития российско-японских отношений в экономической и энергетической сферах. Кроме того, была достигнута договорённость о возобновлении переговоров по заключению мирного договора и о начале стратегического диалога в формате «два плюс два», включающего совещание министров иностранных дел и обороны двух стран. Кроме территориальной проблемы, в отношениях между Россией и Японией не существует серьёзных спорных вопросов, что предоставляет уникальные возможности для реализации потенциала сотрудничества комплексных экономик и может быть направлено на модернизацию России, в особенности регионов Сибири и Дальнего Востока [10].

На Корейском полуострове начиная с 1990-х гг. ставка была сделана на развитие экономического и технологического сотрудничества с Южной Кореей при снижении уровня отношений с КНДР. Признание Республики Корея в 1990-х гг. негативно отразилось на развитии связей с Северной Кореей. Одновременно с этим на ухудшение позиций России на Корейском полуострове сказалось и то, что она была отстранена от участия в урегулировании северокорейской проблемы в 1990-х гг., несмотря на то, что у России всегда существовала прямая заинтересованность в этом вопросе.

Поддержка южнокорейской политики «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна в 1998 г. и шаги, направленные на улучшение отношений с Северной Кореей, в том числе визит В.В. Путина и подписание Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в 2000 г., в некоторой степени способствовали укреплению позиций России. Однако, несмотря на эти успешные меры и некоторое улучшение отношений, инициатива была уже упущена [17, с. 125–128].

Второй корейский ядерный кризис (2002–2006 гг.) предоставил России возможность использовать своё влияние на КНДР с целью созыва шестисторонних переговоров и участия в них. Неофициальная цель России состояла в том, чтобы предотвратить падение северокорейского

режима, поскольку это могло иметь непредсказуемые последствия для безопасности страны, принимая во внимание 19 км границы с КНДР. Участие России в шестисторонних переговорах воспринималось странами региона в качестве подтверждения её статуса великой державы и способности поддерживать баланс сил в регионе между США с их союзниками и Китаем. По мнению многих исследователей, участие России в урегулировании ситуации на Корейском полуострове является залогом для укрепления российских позиций в Восточной Азии [14, с.38–39].

Официальная позиция России по данному вопросу заключается в поддержке денуклеаризации Корейского полуострова, создании новой архитектуры безопасности и упрочении статуса посредника на переговорах по ядерной проблеме КНДР. Позиционирование России как «честного посредника» имеет крайне большое значение для России, так как её участие в переговорах представляется средством усиления позиций в регионе и позволяет зарекомендовать себя как надёжного экономического партнёра для обеих Корей. С этой точки зрения прекращение переговоров из-за третьего ядерного кризиса в 2009 г. рассматривается как крупная потеря для России, что побуждает её проводить курс на возобновление шестисторонних переговоров [14, с.41–42].

За время их отсутствия, начиная с 2009 г., Россия предприняла ряд мер для улучшения отношений с Северной Кореей (в частности, реструктурирование долга КНДР и продовольственная помощь в 2011 г.) и начала продвигать осуществление ряда больших трёхсторонних экономических проектов, включая соединение Транссибирской и Корейской железных дорог и строительство линий электропередач через территорию КНДР в Южную Корею, а также газопровода через Корейский полуостров. Принимая во внимание политические риски, реализация этих проектов представляет реальную возможность придания конструктивного характера отношениям между Северной и Южной Кореей, что, в свою очередь, будет способствовать усилению российских позиций на Корейском полуострове [20, с.347–348].

В сентябре 2013 г., была официально завершена реконструкция части Транскорейской железной дороги, которая позволила соединить незамерзающий порт Раджин в КНДР, входящий в особую торгово-экономическую зону Расон, с российским посёлком Хасан, где находится станция Транссибирской железной дороги. На начальном этапе предполагается перевозка российского угля для экспорта в страны Восточной Азии, а впоследствии – контейнерных грузов через Южную Корею, что обеспечит российской железнодорожной сети выход ко всем странам региона.

Реализация данного проекта может стать моделью для будущего участия России в экономическом взаимодействии в регионе, направленном на укрепление её безопасности. Перспектив-

ность развития трёхсторонних проектов была подтверждена во время визита В.В. Путина в Республику Корею в ноябре 2013 г., в ходе которого было заявлено о рассмотрении возможности строительства морского газопровода в Южную Корею.

Хотя Россия и стала партнёром по диалогу с АСЕАН в 1996 г. и в 2004 г. подписала Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, региональная роль России была первоначально преимущественно воспринята с большим скептицизмом вследствие её неспособности проецировать экономическую и военную силу в регионе. Первая встреча на высшем уровне России и АСЕАН как партнёров по диалогу состоялась только в 2005 г. Главная проблема состояла в том, что отношения России и АСЕАН были далеки от «существенных» из-за небольшого товарооборота и низкого уровня инвестиций. По этой причине России отказали как в проведении подобных встреч на регулярной основе, так и в присоединении к Восточноазиатскому саммиту, свою заявку на вступление в который она подала в 2005 г. [17, с.111]

Вьетнам считается традиционным надёжным партнёром России в Юго-Восточной Азии, что делает его одним из стратегических партнёров России в регионе. Помимо совместных проектов по разработке нефти и газа с Вьетнамом и другими странами ЮВА, расширяется военно-техническое сотрудничество (например, с Индонезией и Вьетнамом), сотрудничество в области биотехнологий, фармацевтики, информационных и образовательных технологий, исследования космоса, оказания помощи при чрезвычайных ситуациях, туризма, гражданской авиации. Россия также осуществляет большое количество проектов в Юго-Восточной Азии, включая строительство электростанций (например, с Камбоджей) и атомных электростанций (например, с Вьетнамом и Мьянмой) [5, с. 33–34].

Изменение конфигурации сил в Восточной Азии и позиции России

Анализ внешней политики России в Восточной Азии показывает, что стремление России стать великой державой нашло выражение во внешнеполитическом курсе, направленном на становление страны как неотъемлемой части региона, укрепление существующих двусторонних отношений, развитие новых и участие в региональных организациях. Она стала членом всех интеграционных группировок в регионе. Россия входит в состав Регионального форума АСЕАН (АРФ) начиная с его основания в 1993г., осуществляя свой вклад в развитие превентивной дипломатии и механизмов урегулирования конфликтов, а также продвигая видение полицентрического мира. В 1998 г. Россия вступила в АТЭС [17, с.157].

Саммит АТЭС в 2012 г. продемонстрировал успешность стремления России представить Владивосток как ворота в Азиатско-Тихоокеанский

■ Международные отношения

регион и серьёзность её намерений по становлению в качестве его неотъемлемой части. Среди успехов саммита необходимо отметить реализацию крупных инфраструктурных проектов во Владивостоке, на которые было потрачено приблизительно 650 млрд руб. (\$21 млрд), и особенно строительство нового корпуса Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), занятия в котором начались в 2013 учебном году.

В то же время, несмотря на успехи России по отдельным вопросам (таким, как продовольственная безопасность, экологическая сертификация продукции и др.), саммит АТЭС показал, что она пока не может предложить своего проекта по развитию всего регионального пространства, а идея Президента РФ В.В. Путина о роли России в интеграции общего евразийского пространства как моста между Востоком и Западом нашла весьма ограниченный отклик у участников саммита [15]. В 2010 г. Россия присоединилась к Форуму Азия – Европа (АСЕМ), а в 2011 г. – к Восточноазиатскому саммиту с целью углубления интеграции в мировую и региональную экономику, а также для принятия активного участия в строительстве региональной архитектуры безопасности [16, с. 214].

Анализируя причины приглашения России в АСЕМ и ВАС странами АСЕАН в начале 2010-х гг., можно отметить, что, хотя товарооборот России со странами АСЕАН в количественном исчислении увеличился более чем в два раза, с \$5 млрд в 2005 г., когда заявка России на присоединение к этим организациям была отклонена, до примерно \$12.5 млрд в 2010 г., доля России все же составляет менее 1% общего товарооборота стран АСЕАН, что, по сути, не является сколь-нибудь значимой цифрой.

Представляется, что главная причина существенное изменение расстановки сил в Восточной Азии, которое привело к изменению позиции стран АСЕАН, занимающих центральное положение в региональных интеграционных группировках. С одной стороны, их опасения по поводу усиления Китая и его возможного выдвижения на позиции ведущей державы привели к приглашению России и США войти в состав Восточноазиатского саммита в 2010 г., а с другой – заинтересованность в России для стран АСЕАН предопределила необходимость балансирования между усиливающимся Китаем и США в свете провозглашения в 2011 г. курса администрации Б. Обамы на «разворот в АТР» [19, с.70–71;18,с.328].

Страны АСЕАН заинтересованы в создании такой ситуации в регионе, когда конфронтационные тенденции в отношениях между двумя странами минимизируются. Россия обладающая статусом глобального игрока, внешняя политика которого по отношению к региону всегда была мирной (в следствие того, что она – относительно слабый региональный игрок и любой конфликт в регионе в состоянии значительно уменьшить её роль в нём, словом, очевидно заинтересованная

в мире и экономическом развитии), была расценена АСЕАН и другими странами региона как держава, способная внести вклад в поддержание мира и стабильности, уравновесить китайское и американское влияние и поддержать страны АСЕАН в их стремлении сохранить центральное положение в региональных процессах в Восточной Азии. Другими словами, именно изменение расстановки сил и равновесия в регионе вызвало необходимость в более активном участии России как балансира [19, с. 76–77; 18,с. 327–329].

Эта тенденция совпадает с желанием России играть «роль балансира». Российская политическая элита полагает, что, несмотря на уменьшение её влияния на мировой арене с распадом СССР, страна всё ещё обладает значительными «активами» для того, чтобы оказывать влияние на процессы в регионе как «честный игрок» или посредника в урегулировании региональных конфликтов (особенно по корейской проблеме), в отношении стратегического треугольника США – КНР – Япония и реакции АСЕАН на усиление Китая [17, с. 109].

Близости позиций России и стран АСЕАН способствует схожесть их стратегического положения в регионе: если Россия стремится играть существенную роль в политике и безопасности Восточной Азии и продолжать сотрудничество с динамично развивающимися экономиками региона, то она ни в коем случае не должна принимать ту или иную сторону в противостоянии США и Китая. Если Россия или АСЕАН примут решение выбрать между этими двумя центрами силы, то это приведёт к серьёзной поляризации региона и, как следствие, к его дестабилизации, что может подорвать динамику экономического развития в Восточной Азии [19, с.76].

В целом позиции России в Восточной Азии за прошедшее десятилетие значительно улучшились не только в политической, но и в экономической сфере. Например, началась успешная реализация совместных проектов, таких как Сахалин-1 и Сахалин-2, а в ближайшем будущем начнётся освоение проекта Сахалин-3 [16, с. 205]. В 1990-х гг. торговля России с восточноазиатскими странами составила приблизительно одну пятую общего товарооборота России. Но доля России в общем объёме торговли региона была крайне небольшой и составляла меньше 1%. В качестве главной причины ограниченного характера экономических связей эксперты выделяют слабо развитую инфраструктуру и неблагоприятные бюрократические и юридические условия ведения бизнеса. Ещё одним отличительным признаком этого периода была чрезмерная зависимость от экспорта сырья и природных ресурсов [17, с. 62–65].

Улучшение торговой и инвестиционной динамики в 2000-х гг. показывает, что прагматичная экономическая политика при президентах В.В. Путине и Д.А. Медведеве была достаточно результативной. Развитие экономических связей было положительно воспринято в странах регио-

на, поскольку продемонстрировало способность России подкрепить заявления реальными делами, что позитивно сказалось на имидже России в регионе [17, с. 67].

Хотя товарооборот России с Восточной Азией значительно снизился в 2009 г. вследствие мирового финансово-экономического кризиса, в 2010 г. докризисный уровень был восстановлен, и с 2011 г. наметился дальнейший рост. За 12 лет, с 2000 по 2012 г., объём торговли России с Восточной Азией увеличился более чем в десять раз, хотя доля Восточной Азии все так же составляет примерно одну пятую общего российского товарооборота. Интересным фактом является то, что российская торговля с Восточной Азией восстанавливалась быстрее, чем с другими странами.

И всё же, несмотря на эту благоприятную динамику, необходимо учитывать, что Россия занимает незначительные позиции во внешней торговле и очень скромные – в инвестиционном взаимодействии восточноазиатских стран. Экономическая вовлечённость России в региональные процессы всё ещё оставляет желать лучшего.

Россия практически не участвует в инвестиционном сотрудничестве и взаимодействии в банковской сфере, а количество совместных предприятий остаётся незначительным. Одна из главных причин этого заключается в том, что российский бизнес занимает скромные позиции в мировой экономике, и его конкурентоспособность достаточно низка. На РФ приходится всего 0–1% экспорта восточноазиатских стран и 0–3% их импорта, за исключением Монголии и КНДР, что не позволяет рассматривать Россию как пол-

новесного участника регионального экономического взаимодействия [2, с.314].

Заключение

Можно без преувеличения отметить, что присутствие России в Восточной Азии должно быть усилено и приумножено. Будущее России во многом зависит от позиций страны в данном регионе в сфере политики безопасности и в экономической области. Её политическое положение в Восточной Азии должно быть прочным, что подразумевает под собой членство России во всех значимых региональных организациях и проведение в них гибкой и продуманной политики. Расширение и углубление экономического сотрудничества является самым логичным способом увеличения влияния России в регионе. В связи с этим существует дискуссия, должна ли Россия сконцентрироваться на отношениях с ключевыми партнёрами – Китаем, Японией, Южной Кореей, Вьетнамом – или развивать экономические отношения с относительно новыми партнёрами.

Многие исследователи рассматривают более тесное экономическое сотрудничество между Россией и АСЕАН как хорошую возможность усилить российское присутствие и влияние в регионе. Хотя на пути развития отношений России и стран АСЕАН существуют различные препятствия, в первую очередь, географическая удалённость и низкий уровень развития торговли. Тем не менее большой потенциал этих отношений может быть реализован через такие формы взаимодействия, в которых географический фактор не имеет первостепенного значе-

Товарооборот России со странами Восточной Азии (1996–2012 гг.) (млн \$ США)

Страна	1996	2000	2005	2008	2009	2010	2012
Китай	5,724.5	6,335	20,664	56,344	40,251.4	60,160.6	89,008.4
Япония	3,890.7	3,336	9,581	28,913.5	14,515.6	23,120.8	31,220
КНДР	64.8	46	233	110.8	49.4	95.2	81
Южная Корея	1,984	1,330.8	6,363	18,383.4	10,554.3	17,694.6	24,880.4
Тайвань	568	492.6	1,931	2,859.5	1,712.5	3,332	5,338.2
Индонезия	135.6	108	551	1,409.7	974.2	1,912.3	2,871.8
Малайзия	167.3	388	823	2,442.6	1,632.6	1,711.5	1,745.6
Вьетнам	154	204.7	913	1,432.9	1,561.8	2,445.1	3,660.6
Сингапур	798.7	520.5	626	1,655.2	2,019.6	2,340.2	2,004.1
Таиланд	274.8	170	998	2,729.5	1,369.8	2,904.5	3,381
Филиппины	155.3	58.4	271	414.4	573	1,067.6	1,647.2
Лаос	68.8	1.6	11	6.8	11.4	8.7	n/a
Камбоджа	19.4	1.5	8	34.1	38.5	36.3	n/a
Мьянма	13.4	3.8	3	n/a	n/a	n/a	146
Товарооборот с Восточной Азией	14,019.3	12,997	42,976	116,733.4	65,754.1	116,829.4*	165,984.3*
Товарооборот со всем миром	131,141	136,971	339,857	734,681.3	469,014.5	625,395.1	837,294.9

*Общий объём товарооборота с Восточной Азией должен быть больше, поскольку статистика по торговле с некоторыми странами региона (Лаос, Камбоджа и Мьянма) на данный момент недоступна. Источник: [12,13]

■ Международные отношения

ния: взаимные инвестиции, участие в совместных проектах и т.д. [6, с. 36].

Другие эксперты предлагают сделать акцент на ключевых партнёрах, особенно на углублении отношений с ними в тех сферах, которые представляются наиболее выгодными:

- использование исторических связей и решение проблемы долга с Вьетнамом;
- развитие военно-технического сотрудничества с Малайзией;
- освоение сферы туризма с Таиландом;
- совместные проекты в сфере высоких технологий с Японией и Южной Кореей;
- усиление экономического взаимодействия с Китаем.

Представляется, что переплетение экономик дальневосточной части России и Северо-Восточной части КНР может придать значительную динамику артикулированному стратегическому партнёрству между двумя странами. Несмотря на наличие аргументов против развития сотрудничества с этой страной, очевидно, что значимость Китая на ближайшую и среднесрочную перспективу как главного экономического и инвестиционного партнёра сохраняется, и альтернативы статусу российско-китайских отношений как «стержню» российского «ази-мута внешней политики на восточноазиатском направлении» не просматривается. Однако, как представляется, интересам России соответствует развитие отношений со всеми странами Восточной Азии, и политика, направленная на углубление сотрудничества с Японией, Южной Кореей, КНДР, странами АСЕАН и Индией, вселяет значительный оптимизм [2, с. 316–318, 321].

В качестве среднесрочных задач можно выделить разработку особого налогового-инвестиционного режима для Сибири и Дальнего Востока, который учитывал бы региональную специфику:

- переход от экспортно-сырьевой к ресурсно-перерабатывающей модели в энергетической сфере;

- развитие интегрированной финансовой инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока;
- создание транспортных коридоров;
- выстраивание инфраструктуры экспорта зерна и других сельскохозяйственных продуктов;

– форсирование выхода российского бизнеса на рынки стран региона в инновационных сферах;

– расширение сотрудничества со странами региона в области безопасности и активное участие в региональных организациях;

– развитие оборонных предприятий;

– модернизация Тихоокеанского военного флота и участие России в учениях в Индийском и Тихом океанах;

– расширение гуманитарного сотрудничества и др. [1, с.14–20].

Одним из самых перспективных направлений представляется заключение соглашений о создании зоны свободной торговли между Таможенным союзом (РФ, Белоруссия, Казахстан) и странами региона. Начиная с 2013 г. такие переговоры ведутся с Новой Зеландией и Вьетнамом, причём с последним планируется подписание данного соглашения в ближайшее время. Предполагается, что соглашение о ЗСТ с Вьетнамом может стать пилотным проектом, который позволит в будущем заключить подобные соглашения с другими странами АСЕАН и группировкой в целом.

Участие России в политическом, экономическом и энергетическом сотрудничестве с государствами Восточной Азии, а также в укреплении безопасности в регионе способно внести значительный вклад в оформление полицентрического порядка в Восточной Азии и развитие России. В любом случае позиции России в Восточной Азии напрямую зависят от способности страны решить проблемы развития Сибири и Дальнего Востока [1, с. 21–22].

Список литературы

1. Азиатско-Тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке: к итогам Второго азиатско-тихоокеанского форума / РСМД. М.: Спецкнига, 2013, 32 с.
2. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010, 444 с.
3. Гельбрас В. Россия и Китай в условиях глобального кризиса // Мировая экономика и международные отношения. Ноябрь 2011, № 11, с. 63-71.
4. Иноземцев В., Верлин Е. Россия – Китай: время корректировать курс // Свободная мысль. Август 2010. № 8, с. 43-58.
5. Канаев Е. А. Феномен «driver's seat» // Международная жизнь, 2010, № 10, с. 28-36.
6. Колдунова Е.В. Россия, АСЕАН и ВАС после саммита в Ханое: что дальше? / Е.В. Колдунова // Россия как евро-тихоокеанская держава: новые тенденции в азиатской региональной архитектуре и роль России. Материалы международной конференции Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (РНК АТССБ). Москва, МГИМО(У) МИД РФ, 9 декабря 2010 г. М.: Издательство Московского университета, 2011, с. 34-37.

7. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 [Электронный ресурс] // МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 30.05.2013 г.).
8. Михеев В. Россия – Китай: «дозагрузка» отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. Июнь 2010. № 6.
9. Панов А.Н. Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX – начале XXI века. М.: Известия, 2007. 312 с.
10. Современные российско-японские отношения и перспективы их развития [Электронный ресурс] / РСМД. М.: Спецкнига, 2012. 32 с. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_russia_japan.pdf (дата обращения: 30.05.2013 г.).
11. Стрельцов Д. Москва и Токио: выйти из спячки [Электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*. 22.10.2011. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Moskva-i-Tokio-vyiti-iz-spyachki-15365> (дата обращения: 30.05.2013 г.).
12. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976 (дата обращения: 29.02.2013 г.).
13. Экономическое сотрудничество со странами Азии и Африки [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2013. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/economicAA/> (дата обращения: 29.02.2013 г.).
14. Blank S., Kim Y. Russia and the Six-Party Process in Korea: Moscow's Quest for Great Power Status // *Problems of Post-Communism*. July/August 2010. Vol. 57. No. 4. pp. 37-50.
15. Fenenko A. APEC remains an American project [Электронный ресурс]. // Valdai Club. 13.09.2012. Режим доступа: <http://valdaiclub.com/asia/48800.html> (дата обращения: 05.11.2013 г.).
16. Koldunova E. Post-Crisis Regional Cooperation in East Asia: New Trends and Developments. *Regions and Crises: New Challenges to Contemporary Regionalisms*. – Basingstoke: Palgrave, 2012. P. 200-219.
17. Rangsimaporn P. Russia as an Aspiring Great Power in East Asia: Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 272 p.
18. Rangsimaporn P. Russia's Search for an Enhanced Role in Southeast Asia. *ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects* / ed. by Victor Sumsky, Mark Hong, Amy Hugg. – Singapore: ISEAS, 2012. 376 p.
19. Sumsky V. The Enlargement of the East Asia Summit: the Reasons and Implications of Bringing Russia in // *ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects* / ed. by Victor Sumsky, Mark Hong, Amy Hugg. – Singapore: ISEAS, 2012. 376 p.
20. Toloraya G. The Security Crisis in Korea and its International Context: Sources and Lessons from a Russian Perspective // *The Korean Journal of Defence Analysis*. September 2011. Vol. 23. No. 3. Pp. 335–352.
21. Voskressenski A.D. The Three Structural Changes of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage. *Eurasian Review*. November 2012. Vol. 5. Pp. 1-14.

Об авторе

Киреева Анна Андреевна – преподаватель кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России.
E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 12-03-00538а

RUSSIA AND EAST ASIA: NEW OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

A.A. Kireeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article focuses on major dimensions, achievements, challenges and prospects of relations between Russia and East Asia. Strategic importance of the region is shaped by East Asia's increasing role in world politics and economy as well as by its appeal for Russia's modernization agenda. Russia's great power status rests upon the effectiveness of its East Asian policy and development model of Siberia and the Russian Far East.*

Russia's positions in East Asia have improved substantially over the 2000s. However, its involvement in regional economic interaction is still insignificant and Russia cannot be regarded as a full-fledged

■ Международные отношения

regional player in this domain. Russian-Chinese strategic partnership has been the axis of Russia's East Asian foreign policy, though overdependence on China threatens Russia's independent policy in the region and encourages Russia to search for ways to diversify its ties. Russia's national interests reside in multivector policy, aimed at developing substantive relations not only with China but also with Japan, South Korea, ASEAN (Vietnam in the first place) and India along with Russia's involvement in the resolution of Korean nuclear crisis. The rise of China and the US counter-offensive have resulted in a changing strategic environment in East Asia. A need for balancing between the US and China has brought about ASEAN countries' desire to welcome Russia as a "balancer" or an "honest player" in the region. It corresponds with Russia's course on playing a greater role in regional cooperation and integration. Russia's improving ties in political, economic, energy and security dimensions have the potential to contribute to the stability of the emerging polycentric regional order in East Asia and development of Russia's regions of Siberia and the Far East.

Key words: East Asia, Russia's foreign policy, China, Japan, South Korea, North Korea, ASEAN, USA, India, security, regional cooperation.

References

1. Aziatsko-Tikhookeanskii orientir Rossii posle sammita APEC vo Vladivostoke: k itogam Vtorogo aziatsko-tikhookeanskogo foruma [Russia's Guiding Landmarks in the Asia-Pacific after the APEC Summit Vladivostok. The Outcomes of the Second Asia-Pacific Forum]. Moscow, Spetskniga Publ., 2013. 32 p. (In Russian)
2. «Bol'shaia Vostochnaia Aziia»: mirovaia politika i regional'nye transformatsii ["Greater East Asia": World politics and regional transformations]. Ed. By A.D. Voskressenski. Moscow, MGIMO-University Publ., 2010. 444 p. (In Russian)
3. Gel'bras V. B. Rossiia i Kitai v usloviakh global'nogo krizisa [Russia and China Amidst the Global Crisis]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia – World Economy and International Relations. November 2011, no. 11, pp. 63-71. (In Russian)
4. Inozemtsev V., Verlin E. Rossiia – Kitai: vremia korrektirovat' kurs [Russia – China: Time for a Course Correction]. Svobodnaia mysl' – Free Thought, August 2010, no. 8, pp. 43-58. (In Russian)
5. Kanaev E.A. Канаев E. A. Fenomen «driver's seat» ["Driver's seat" phenomenon]. Mezhdunarodnaia zhizn' – International Affairs, 2010, no. 10, pp. 28-36. (In Russian)
6. Koldunova E. in Russia as a Euro-Pacific Power: New Trends in Asian Regional Architecture and Russia's Role in Asia - Proceedings of the International Conference of the Russian National Committee of the Council for Security Cooperation in the Asia-Pacific (CSCAP), Moscow, Moscow University Press Publ., 2011. Pp. 34-37. (In Russian)
7. The Foreign Policy Concept of the Russian Federation. 12 February 2013. Available at: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (accessed May 30, 2013)
8. Mikheev V. Rossiia – Kitai: «dozagruzka» otnoshenii [Russia – China: "Reloading" the Relationship]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia – World Economy and International Relations, June 2010, no. 6. (In Russian)
9. Panov A.N. Rossiia i Iaponiia: stanovlenie i razvitie otnoshenii v kontse XX – nachale XXI veka. [Russia and Japan: The Establishment and Development of Bilateral Relations at the end of the 20th – beginning of the 21st century]. Moscow, Izvestiia Publ., 2007. 312 p. (In Russian)
10. Sovremennye rossiisko-iaponskie otnosheniia i perspektivy ikh razvitiia [Contemporary Russian-Japanese relations and development prospects]. Moscow, Spetskniga Publ., 2012. 32 p. Available at: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_russia_japan.pdf (accessed 30 May 2013) (In Russian)
11. Strel'tsov D. Moskva i Tokio: vyiti iz spiachki [Moscow and Tokyo: how to end hibernation]. Rossiia v global'noi politike – Russia in Global Politics. 22.10.2011. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Moskva-i-Tokio-vyiti-iz-spyachki-15365> (accessed 30 May 2013) (In Russian)
12. Russian Federal Custom Service Statistics. 2013. Available at: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976 (accessed 29 February 2013) (In Russian)
13. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo so stranami Azii i Afriki [Economic Cooperation with Asian and African Countries]. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 2013. Available at: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/economicAA/> (accessed 29 February 2013) (In Russian)
14. Blank S., Kim Y. Russia and the Six-Party Process in Korea: Moscow's Quest for Great Power Status. Problems of Post-Communism, July/August 2010, vol. 57, no. 4. pp. 37-50.

15. Fenenko A. APEC remains an American project. Valdai Club. 13.09.2012. Available at: <http://valdaiclub.com/asia/48800.html> (accessed 5 November 2013).
16. Koldunova E. Post-Crisis Regional Cooperation in East Asia: New Trends and Developments. *Regions and Crises: New Challenges to Contemporary Regionalisms*. Basingstoke, Palgrave, 2012? pp. 200-219.
17. Rangsimaporn P. *Russia as an Aspiring Great Power in East Asia: Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009, 272 p.
18. Rangsimaporn P. *Russia's Search for an Enhanced Role in Southeast Asia. ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects*. Ed. by Victor Sumsky, Mark Hong, Amy Hugg. Singapore, ISEAS, 2012, 376 p.
19. Sumsky V. The Enlargement of the East Asia Summit: the Reasons and Implications of Bringing Russia in. *ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects*. Ed. by Victor Sumsky, Mark Hong, Amy Hugg. Singapore, ISEAS, 2012, 376 p.
20. Toloraya G. The Security Crisis in Korea and its International Context: Sources and Lessons from a Russian Perspective. *The Korean Journal of Defence Analysis*, September 2011, vol. 23, no. 3, pp. 335–352.
21. Voskressenski A.D. The Three Structural Changes of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage. *Eurasian Review*, November 2012, vol. 5, pp. 1-14.

About the author

Anna A. Kireeva – Lecturer at Department of Asian and African Studies, MGIMO-University.
Email: a.kireeva@my.mgimo.ru